Когда она подошла к двери, монахи скрестили свои посохи и преградили ей путь. Она откинула рукав халата и обнажила предплечье, покрытое шрамами от многолетней боли, причиненной самой себе. Однако шрамы были не тем, что она им показывала. На нижней стороне ее запястья были вытатуированы пять маленьких пятиконечных звезд, центр которых был самым большим из них. Монахи посмотрели на татуировку, вернули посохи к бокам, затем склонились на одно колено, опустив головы.

-Твоя преданность нашему Господу и Спасителю императору Сидро угодна богине Дураане, - тихо произнесла она властным и благочестивым тоном. Монахи оставались безмолвными и неподвижными. Она протянула руку и нежно коснулась одного из них за плечо.

-Пожалуйста, очистите храм и вернитесь в свои покои, - приказала она. - Верховный Отец Коррос и я должны обсудить важные вопросы. Крайне важно, чтобы нас не беспокоили. Монахи послушно закивали головами в капюшонах и немедленно принялись за уборку комнаты.

Внешне она была безмятежна. Ее молочно-белая кожа была спокойна, как сверкающие белые пески Барусианского моря падших. Такое поведение было ее второй натурой. Многие годы перевоспитания и почти парализующих ум тренировок, которые она перенесла, обеспечили ей, помимо прочих способностей, умение сохранять спокойствие и спокойствие в условиях сильного стресса. Среди таких Говианских чиновников, как она, видимость контроля была жизненно важна для поддержания доверия своих подчиненных.

У нее стучало в висках. Она глубоко вздохнула и снова сосредоточилась на сохранении самообладания. На мгновение ее рука задрожала, когда она потянулась к ручке двери. Она затаила дыхание, стиснув кулак, чтобы унять дрожь в руке. Несмотря на контроль, который она имела над своим телом, она не могла удержать свой ум от гонки. Последним мысленным толчком она заставила себя повернуть ручку и толкнула тяжелую дверь.

Звук ее шагов эхом отдавался от черного эмалированного пола, заполняя массивное святилище. С минуту она стояла молча, оглядываясь по сторонам, и заметила, что за эти годы мало что изменилось.

Подковообразная аудитория была гигантской, достаточно большой, чтобы вместить почти двадцать тысяч душ. Она была тускло освещена, за исключением сцены с голубым ковром напротив нее, которая ярко сияла белым светом. Позади нее висел великолепный гобелен с золотой отделкой, а на краю сцены стояла голубая хрустальная кафедра в форме полукруга. Перед сценой ряд за рядом стояли скамьи с красными подушками, сделанные из темного крашеного дерева, и она вспомнила, как в детстве ее заставляли сидеть на этих скамьях почти каждый день. Ее взгляд метнулся к цели.

Она видела его лысый затылок, сидящий в первом ряду центральной колонны скамей. Он сидел неподвижно, даже когда она вошла. Увидев его, она зарычала, оскалив зубы от ярости при мысли о том, что снова окажется рядом с ним. Она сжала кулаки и впилась острыми ногтями в ладони. Она почти шагнула вперед, но остановилась как вкопанная, увидев длинную рыжеволосую голову, сидящую рядом с лысым мужчиной.

Макушка девушки доходила до плеч лысеющего мужчины. У нее были кроваво-рыжие волосы; очевидно, у него был свой тип. Женщина в капюшоне с отвращением наблюдала, как воспоминания нахлынули на нее. Она вспомнила все то время, что провела с ним, вспомнила, как его руки и слова искажали и формировали ее юный разум. У нее скрутило живот, и она сделала шаг назад, потому что внезапно почувствовала себя менее уверенно.

Она почувствовала кровь на своих руках. Ощущение ее ногтей, впивающихся в кожу, было в некотором смысле отрезвляющим. Все эти годы она находила утешение в боли, которую причиняла себе, находила выход. Испытывая вызванную самим собой физическую боль, она чувствовала себя по-настоящему контролируемой, помня о своей смертности, способной убежать от истории, которая преследовала ее во сне. Она вонзила ногти чуть глубже и съежилась, но не от боли в руках, а от вида девушки, сидящей рядом с лысым мужчиной. В этой девушке она видела себя много лет назад, от волос до тех прискорбных поступков, которые, как ей казалось, были навязаны девушке. Она слышала, как сердце подсказывало ей, что если она спасет эту девушку, то спасет и себя.

Она разжала кулаки и шагнула к лысому мужчине и рыжеволосой девушке. Она не издала ни звука, но что-то заставило девушку повернуть голову и посмотреть на того, кто был в капюшоне. На мгновение их взгляды встретились. Девушка улыбнулась ей и резко повернула голову в сторону сцены.

"Она не понимает, - сказала себе женщина в капюшоне, - она слепа к его лжи.”

Она вспомнила, как проводила с ним время. Тогда он был намного моложе. Хотя она была на много лет старше его, она помнила, как была влюблена в него. Он был красивым и сильным, уверенным и любящим. Он заставил ее почувствовать себя старше, чем она была. В присутствии Корроса она чувствовала себя ценной. Это было чудесное чувство для нее, все до потери Элисс.

Она едва ли могла считаться взрослой, когда родила мальчика, когда Коррос убил его. После этого дня он больше не общался с ней и не позволял ей видеться с ним. Он отослал ее с Говианскими чиновниками, которые сказали ей, что она особенная, что она будет могущественной. У ее родителей и большинства членов семьи не было возможности попрощаться. Они не видели ее с тех пор, как она уехала, так и не узнали ни о ее судьбе, ни о ребенке, которого она родила, ни об отце.

На протяжении многих лет она использовала свою силу, чтобы защитить их, несмотря на их террористическую принадлежность. Хотя в ее интересах было держаться от них подальше, скрывать свою личность и свою жизнь от них, она все еще держала их деятельность вне поля зрения Империи и старалась держать их в безопасности. Это был ее способ загладить свою вину, ее попытка оправдать жизнь, которую она так ненавидела.

"Я все исправлю", - решила она, подходя к лысому священнику. Она остановилась прямо за ним и увидела, как его плечи поднимаются и опускаются от тяжелого вздоха. Каким-то образом он знал, что она здесь. Кровь медленно капала на пол из ран на ее ладонях. В груди у нее было тяжело, сердце учащенно билось. Пот струился с ее висков. Наконец Коррос встал.

- О, как далеко ты зашла, дитя мое, - раздался его голос, все еще обращенный к сцене. От его голоса у нее по спине побежали мурашки. Хотя его человеческое тело постарело, а волосы побелели и почти полностью покинули его, голос остался прежним.

Она зарычала и молча уставилась на мужчину.

- Епископ-генерал Сарасин, - ухмыльнулся он, - Могу я взглянуть на ваше лицо и увидеть женщину, в которую вы превратились?"

Она чувствовала себя так, словно снова стала ребенком. В присутствии Корроса она чувствовала, что все, что она пережила за последние двадцать лет, каждый кошмар, каждая капля пролитой крови, каждый ствол пистолета, который она держала во рту, все это вылилось

в одно чувство. Она была напугана. Она чувствовала себя уязвимой. Это было так, как если бы ее сила была вытянута из нее, как будто он снова овладел ею и собирался сформировать ее в соответствии со своими желаниями.

Она почувствовала, что отступает, как будто ее охватил страх, и ее тело пыталось спасти ее от Корроса. Она сделала шаг назад, и эхо от ее каблука заполнило тишину. Именно тогда Коррос внезапно повернулся к ней лицом.

В свои шестьдесят с лишним лет его лицо утратило многие красивые черты, которыми она когда-то восхищалась. Его кожа стала изношенной и обветренной, а щеки обвисли. Глубокие морщины и гусиные лапки покрывали его лицо; его когда-то светлые волосы поблекли до белизны, которая отступила к затылку. Сарасин застыла на месте.

http://tl.rulate.ru/book/43267/1035328